

Аникин Д.А. Дискурс исторической справедливости: этико-политические основания и концептуальные противоречия // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 55-69. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_55

УДК 323

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_55

Дискурс исторической справедливости: этико-политические основания и концептуальные противоречия

Даниил Александрович Аникин

Томский государственный университет

г. Томск, Россия

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

г. Саратов, Россия

E-mail: dandee@list.ru

*Поступила в редакцию 12.08.2024, поступила после рецензирования 05.09.2024,
принята к публикации 10.09.2024*

В статье исследуется использование категории «историческая справедливость» в качестве публичного обоснования политического поведения. Несмотря на частоту употребления в публичном дискурсе, научный статус данного понятия остается под вопросом, так как его формальное определение сталкивается с целым рядом трудностей. Во-первых, неопределенным остается статус основных субъектов справедливости – преступников и жертв, поскольку оценка их деятельности в исторической перспективе могла неоднократно меняться. Во-вторых, существенной является так называемая проблема нетождественности, не позволяющая в полной мере установить идентичность жертв исторической несправедливости и современного сообщества, претендующего на преемственность по отношению к жертвам. Основанием для активного использования апелляций к исторической справедливости стала доктрина «морального памятования», которая возникла по итогам Второй мировой войны и включала в себя три базовых принципа: обязанность помнить, обязанность прорабатывать прошлое и обязанность обеспечивать справедливость по отношению к жертвам. По мере изменения состава и количества ведущих политических акторов произошло резкое увеличение мемориальных нарративов, а автоматический перенос на них требования исторической справедливости привел к увеличению количества мемориальных конфликтов. В условиях современного публичного пространства дискурс исторической справедливости становится важным инструментом символической борьбы, подменяющим моральное измерение отношения к прошлому политическими манипуляциями. В этой связи представляется необходимым разграничение исторической справедливости как политического инструмента

© Аникин Д.А., 2024

и как категории исторической этики, позволяющей определять и оценивать соотношение между историческими фактами и современными нарративами.

Ключевые слова: историческая справедливость, моральное памятование, дискурс, коллективная память, этика, преступник, жертва, канселлинг

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Discourse of Historical Justice: Ethical-Political Foundations and Conceptual Contradictions

Daniil A. Anikin

Tomsk State University

Tomsk, Russia

Saratov State University

Saratov, Russia

E-mail: dandee@list.ru

Received 12.08.2024, revised 05.09.2024, accepted 10.09.2024

Abstract. The article examines the use of the “historical justice” category as a public justification for political actions. Despite its frequent use in public discourse, the scientific legitimacy of the concept remains questionable, as its formal definition encounters a range of challenges. Firstly, the status of the main subjects of justice – perpetrators and victims – remains uncertain, since the assessment of their activities in the historical perspective may change over time. Secondly, the so-called non-identity problem is essential, as it complicates establishing the continuity between the victims of historical injustice and the modern communities claiming to represent them. The active use of appeals to historical justice rooted in the doctrine of “moral remembrance”, which arose as a result of World War II and consists of three main principles: the duty to remember, the duty to face the past, and the duty to ensure justice for victims. As the composition and number of leading political actors changed, there was a sharp increase in memorial narratives, and the automatic extension of demands for historical justice to these narratives resulted in an increase in memorial conflicts. In modern public space, the discourse of historical justice has become a crucial tool of symbolic struggle, often replacing moral attitudes towards the past with political manipulation. In this regard, it seems necessary to distinguish between historical justice as a political tool and as a category of historical ethics that allows determining and assessment of the relationship between historical facts and modern narratives.

Keywords: historical justice, moral remembrance, discourse, collective memory, ethics, perpetrator, victim, cancelling

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>

For citation: Anikin D.A. Discourse of Historical Justice: Ethical-Political Foundations and Conceptual Contradictions, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 55-69. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_55

Историческая справедливость в современном гуманитарном дискурсе

Термин «историческая справедливость» занимает пограничное положение в пространстве гуманитарных наук. По идее, вторая часть словосочетания – справедливость – отсылает к дисциплинарной специфике правовой науки, однако добавление прилагательного «историческая» существенно затрудняет понимание, какой набор явлений может быть обозначен посредством апелляции к исторической справедливости. Вместе с тем многие современные исследователи указывают, что она предполагает рассмотрение более широкого круга вопросов, связанных с изучением многообразных отношений между прошлым и настоящим, причем не только в нормативном, но и в морально-этическом и социально-философском смысле.

Обращение к тематике справедливости в историческом аспекте отчетливо прослеживается со второй половины XX в., что знаменует потребность в социально-философской и этико-моральной рефлексии по поводу явления, которое становится все более значимым как в сугубо политическом дискурсе, так и в качестве риторического свидетельства происходящих в структуре символического пространства изменений. Как отмечает В.С. Мартьянов, сама апелляция к справедливости является симптомом возникновения секулярного публичного пространства, в котором «естественный порядок вещей» лишается статуса самодостаточного основания для оценки поведения индивидов, что, в свою очередь, вызывает к жизни потребность в поиске социального консенсуса по поводу распределения прав и ресурсов (Мартьянов 2006: 66). Из этого проистекает не только категориальное, но и онтологическое различие между понятиями «правда» и «справедливость», что имеет существенное значение для использования данных терминов в публичной риторике по поводу отношения к прошлому.

П. Рикер делает тонкое замечание, что само существование исторической справедливости свидетельствует о принципиальном отказе от такого фундаментального принципа уголовного права, как срок давности. «С общественной точки зрения полезно положить конец процессам, поводом для которых стали бы приобретение вещей, взыскание долга и публичные действия, направленные против нарушителей социальных установлений. Срок давности в случае приобретения упрочивает право собственности; срок давности, освобождающий от обязательства, препятствует бесконечному влезанию в долги; срок давности уголовно наказуемого общественного действия подкрепляет итоговый, “окончательный”, характер уголовных приговоров в целом, призванных положить конец состоянию юридической неопределенности, дающей возможность для судебного процесса» (Рикер 2004: 652).

Апелляция к восстановлению исторической справедливости предполагает, что само преступление, нарушившее справедливые отношения между субъектами, могло иметь место даже в отдаленном прошлом, но необходимость преодоления последствий оказывается сильнее, нежели стремление к оставлению данного события в прошлом.

С другой стороны, не менее существенным оказывается тот факт, что само понятие срока давности не может быть онтологически обосновано,

а представляет собой лишь определенный общественный консенсус относительно временной дистанции, которая должна пролегать между преступлением и отказом от исполнения карательной функции правосудия по отношению к нему, что автоматически означает сознательное забвение. Разумеется, на индивидуальном уровне память об этом преступлении может сохраняться у людей, которые пострадали от него (напрямую или косвенно), но речь в данном случае идет именно о принципе коллективного забвения как алгоритме поддержания стабильности общественного порядка.

Важным социально-политическим контекстом формирования подобного принципа становится отказ от срока давности по отношению к военным преступлениям, ставший, в свою очередь, свидетельством не только политического, но и морального консенсуса в Европе вокруг последствий Второй мировой войны. Этот консенсус, отмечает П. Рикер, складывается только в 1960-е гг., но ему предшествует определенное различие вины и ответственности, к которому обращается во второй половине 40-х гг. К. Ясперс в своей работе о немецкой вине¹. Вина присуща отдельному индивиду, совершившему преступное деяние (не важно, выступает ли в качестве такого деяния действие или отданный приказ), но ответственность представляет собой гораздо более широкое понятие, предписывающее необходимость определенного урегулирования последствий преступления даже для тех индивидов, кто лично к нему не причастен. Как подчеркивает французский мыслитель, «не имеющими срока давности объявляются преступления, но наказания несут индивиды» (Рикер 2004: 655).

В этом качестве вопрос восстановления исторической справедливости распадается на правовую и моральную стороны. С точки зрения права вопрос о справедливости уместен только по отношению к тем преступникам, виновность которых установлена, а сами они в состоянии понести юридическую ответственность. В этом смысле естественный предел исторической справедливости заключается в сроке жизни конкретных виновников преступлений, после чего вопрос о привлечении к ответственности становится бессмысленным, переходя из сугубо правового измерения в политическое.

Моральный аспект сложнее, поскольку предполагает более абстрактное представление о степени вины и необходимости искупления, хотя эта абстрактность опирается на определенные презумпции, порожденные уже имеющейся политической практикой определения виновников и необходимости ответственности. В этом смысле моральная трактовка исторической справедливости также не свободна от определенной политической и культурной ангажированности, если, конечно, мы понимаем под моралью не определенный набор этических категорий, а неотрефлексированные представления о правильном/неправильном, свойственные общественному сознанию. С этой точки зрения представление об исторической справедливости приобретает расширительную трактовку, распространяясь далеко за пределы не только жизни непосредственных виновников преступлений, но и существования сообществ, которые являлись жертвами.

---

¹ Более подробно см.: (Jaspers 1946).

Более прикладной уровень анализа исторической справедливости предложил П. Нора, обратившийся к этой проблеме при изучении системы государственных и общественных юбилеев, также подчиненных логике включения и исключения тех исторических событий, которые рассматриваются как несправедливые с точки зрения какого-либо сообщества. Для французского автора историческая справедливость выступает в качестве сопутствующего компонента исторической памяти, сопровождающего усложнение и расслоение тех потоков воспоминаний, которые были при-сущи модернистской Европе. «Мы видим этот процесс в действии, когда, скажем, государство отказывается от чествования битвы при Аустерлице, в котором принимала участие вся Европа, под тем предлогом, что оно прославляет колониальную политику Наполеона. Или когда власти решают не отмечать четырехсотлетие со дня рождения Корнеля, потому что члены его семьи будто бы были связаны с трансатлантической работорговлей» (Нора 2010: 185). В этом смысле историческая справедливость всегда подчиняется логике социальной или политической целесообразности, поскольку справедливость конкретного события устанавливается в контексте того, какие сообщества могут его рассматривать в качестве несправедливого лично для себя. Стоит особо отметить, что для П. Нора апелляция к исторической справедливости может проявляться не только в событии, но и в его отсутствии (отказ от празднования юбилея), что делает эти идеи крайне важными для анализа исторической справедливости именно в контексте трансформаций исторической памяти и коллективной идентичности.

Стремление рассмотреть историческую справедливость как совокупность тех процедур, которые позволяют (по крайней мере, на определенном этапе) урегулировать вопросы несоответствия и даже конфликта различных видов памяти, встречается у ряда современных авторов.

Г. Коккинос выделяет три формы исторической справедливости как юридической процедуры:

1) карательная справедливость (*retributive justice*), устанавливающая ответственность определенных политических акторов или отдельных политических деятелей за события, имевшие место в прошлом (Нюрнбергский процесс, суд над А. Пиночетом);

2) возмещающая/восстановительная справедливость (*reparative/restorative justice*), определяющая возможность компенсации нанесенного вреда и характер (экономический, моральный) подобной компенсации (выплаты узникам концлагерей от властей ФРГ);

3) транзитивная справедливость (*transitional justice*), направленная на символическое примирение сообществ, которые в прошлом являлись участниками конфликтов (Kokkinos 2022).

Р. Хасеби рассматривает историческую справедливость как вторичный элемент бинарной оппозиции «справедливость – несправедливость», поскольку первичным элементом является именно представление о несправедливости как результате ошибок, совершенных в прошлом (Huseby 2023). Соответственно, представление об исторической справедливости возникает из стремления аннигилировать исторический промежуток, расцениваемый

как несправедливый, вернувшись к той системе взаимоотношений, которая соответствует актуальным представлениям о соотношении прав и обязанностей между различными сообществами.

Историческая справедливость возникает из представления об исторической несправедливости, точнее говоря, из констатации того факта, что на протяжении определенного исторического промежутка, который может длиться от нескольких лет до нескольких столетий, соотношение прав и свобод между различными коллективными субъектами не соответствовало современным представлениям. В этом смысле ключевой характеристикой применения термина в современном политическом дискурсе является императивное требование *восстановления исторической справедливости*, то есть воссоздания некоего состояния, имевшего место в прошлом, которое может рассматриваться как своеобразный идеал.

Историческая справедливость, претендующая на возможность и даже необходимость игнорирования временного разрыва между исходным состоянием справедливости и ее последующим восстановлением, представляет собой антиисторическое явление, игнорирующее естественные различия между субъектами правоотношений, а также изменение самого социально-политического контекста, влияющего на формулирование условий и процедур восстановления нарушенных прав и свобод.

Эволюция представлений об исторической справедливости в рамках современного гуманитарного знания позволяет продемонстрировать постепенное смещение акцентов в ее рассмотрении от онтологического к эпистемологическому аспекту. Если для К. Ясперса и обращающегося к нему П. Рикера установление исторической справедливости напрямую связано с возможностью определения вины и необходимостью ее искупления (что предполагает четкое различие вины и ответственности), то для П. Нора и целого ряда современных исследователей (например, Р. Хасеби) вопрос превращается в рассмотрение моральных и политических условий того дискурсивного акта, который предписывает историческую справедливость. Подобная динамика позволяет перейти к важному вопросу о статусе данного термина и тех эпистемических затруднениях, с которыми сталкиваются попытки определения границ его применения.

Историческая справедливость: понятие или метафора?

Повторяющаяся апелляция к исторической справедливости в публичном дискурсе, а также имеющиеся примеры превращения политических терминов в научные понятия (как произошло, например, с понятием «историческая политика») заставляют задаться вопросом, в каком же смысле историческая справедливость может выступать в качестве категории с объективно фиксируемым и непротиворечивым содержанием.

Поскольку между самим правонарушением и восстановлением нарушенного в ходе него баланса прав и свобод субъектов (коллективных или индивидуальных) располагается определенный временной промежуток, в широком смысле слова любую справедливость можно назвать историче-

ской. Но подобная трактовка представляется чрезмерно расширительной, позволяя подвести под нее любое урегулирование последствий правонарушения, вне зависимости от того, когда и по отношению к кому оно совершено. Кроме того, апелляция к восстановлению нарушенной справедливости не сводится к сугубо юридическим процедурам установления вины, а представляет собой более широкий набор требований, предполагающих, прежде всего, изменение статуса тех субъектов, которые могут рассматриваться в качестве жертв несправедливости.

Структура правоотношений предполагает наличие двух категорий субъектов – жертв и преступников, а реализация справедливости в рамках уголовного права обеспечивается за счет их точного определения, притом что в качестве пострадавшей стороны могут выступать не только конкретные индивиды, но и общественные или государственные интересы, нарушенные совершением определенного преступления. Но даже в этом случае существует персонификация жертвы правонарушения в виде уполномоченного субъекта (например, прокурора), на которого возлагаются обязательства по отстаиванию интересов пострадавшей стороны, причем сама возможность отождествления жертвы и ее представителя является конкретной юридической процедурой.

Еще важнее необходимость четкой идентификации преступника, поскольку основанием для наступления юридической ответственности является установление виновности конкретного лица или группы лиц. Перенос вины конкретного лица на других лиц, косвенно связанных с ним, но не имевших четкого умысла или заинтересованности в совершении правонарушения, с точки зрения уголовного права является невозможным.

Однако характеристики, которые позволяют оценивать и обеспечивать реализацию справедливости в рамках системы правоотношений, подвергаются определенным трансформациям в случае, если речь заходит об исторической справедливости. Она носит коллективный характер, поскольку даже если в конкретном случае истцом в уголовном процессе или публичном требовании выступает конкретный индивид, то само его право выдвигать обвинения проистекает из постулируемой принадлежности к тому сообществу, которое может рассматриваться в качестве жертвы преступлений, имевших место в прошлом. Следовательно, такая форма справедливости предполагает установление тождественности между жертвами совершенного правонарушения и тем сообществом, которое берет на себя ответственность говорить от их имени.

В рамках этического и социально-философского знания историческая справедливость рассматривается как пример так называемой проблемы нетождественности (*non-identity problem*), поставленной Д. Парфитом (Parfit 1984). Ее суть заключается в отсутствии четких критериев отождествления современной группы как субъекта правоотношений с теми сообществами прошлого, от имени которых она высказывается. Более того, Д. Хейд обращает внимание на факт (особенно показательный в контексте афроамериканского сообщества), что само возникновение сообщества является продуктом тех действий, которые классифицируются как преступные в современной правовой и моральной системе координат (Heyd 2014: 2-3).

Наиболее дискуссионным вопросом становится процедура определения (или предписывания) идентичности, в ходе которой устанавливаются два ключевых соотношения: 1) между жертвой (жертвами) преступления и субъектом (коллективным или индивидуальным), обращающимся за восстановлением нарушенной справедливости; 2) между преступником (преступниками) и субъектом, которому предписывается виновность и, соответственно, обязательство по компенсации нанесенного ущерба.

Если подобное тождество может быть нормативно закреплено (например, акт о признании юридической преемственности одного государства по отношению к другому), то проблема решается в правовом поле. Но сложность использования категории «историческая справедливость» в современном публичном пространстве заключается в том, что субъектами правоотношений провозглашаются с трудом институализируемые сообщества (например, рабы и рабовладельцы), по отношению к которым едва ли можно установить преемственность. Поэтому на смену проблеме тождественности приходит проблема делегирования, в результате чего формируются публичные акторы, принимающие на себя полномочия не только говорить от имени сообщества жертв, но и определять сообщество, которое будет репрезентировать преступников. Вопрос о действительной вине как самого сообщества, так и его отдельных представителей, подвергаемых остракизму, отходит на задний план, точнее говоря, его разрешение становится результатом не формальных процедур, а степени политического влияния того или иного сообщества.

Таким образом, анализ характеристик исторической справедливости позволяет сделать вывод о том, что ее использование в качестве научного понятия сталкивается с большими затруднениями, проистекающими из невозможности четко определить юридические или моральные условия, позволяющие обеспечить тождественность субъектов правоотношений. Л.Г. Фишман отмечает, что подобную тягу к виктимизации (в том числе по отношению к событиям отдаленного прошлого) можно рассматривать в качестве своеобразного обоснования политической ренты (Фишман 2018: 97). Наглядным примером реализации данного принципа в конкретной политической практике может служить индустрия «музеев оккупации», возникшая в Восточной Европе в 90-е гг. XX в. и ставшая важным символическим обоснованием для смягчения требований к включению стран бывшего социалистического блока в процессы европейской интеграции.

Апелляция к исторической справедливости становится в последнее время удобным риторическим приемом, позволяющим определенному сообществу настаивать на устранении тех элементов представлений о прошлом, которые препятствуют или ставят под сомнение его актуальный статус. В этом смысле историческая справедливость является весомой политической метафорой, легитимирующей претензии определенного сообщества и служащей инструментом борьбы не столько со своими прямыми конкурентами, сколько с другими символическими образами прошлого, занимающими устоявшееся место в пантеоне того или иного сообщества.

Как отмечает С.И. Посохов, метафора «историческая справедливость» активнее работает в пространстве бинарной культуры, поскольку чаще сопряже-

на с консервативными идеями и действиями, направленными на «возврат к старине». В этом случае прошлое идеализируется, противопоставляется настоящему. Сохранение традиций и устоявшихся правил видится как «святая цель» (Посохов 2016: 125-126). Бинарными становятся не только сами метафоры справедливости и несправедливости, но и символизируемые ими исторические эпохи, причем границы эпох и критерии их выделения могут существенно различаться в зависимости от сообществ, использующих подобные метафоры. Из этого проистекает принципиальная невозможность консенсуса относительно исходной точки, которая может рассматриваться как состояние справедливости по отношению ко всем современным сообществам, что особенно актуально для истории национальных государств, постоянно менявших свои границы и контуры подвластных сообществ.

К. Берхам и Б. Акар подчеркивают, что само представление об исторической справедливости, особенно в контексте образовательного дискурса, может существенно различаться, демонстрируя две противоположные стратегии присвоения и использования данной метафоры (Barham, Akar 2022). На примере двух групп палестинских школьников авторы констатируют, что апелляция к исторической справедливости может как концентрировать внимание на сугубо национальной истории, так и строить широкие аналогии с другими угнетенными сообществами. Для первой группы воплощение принципа исторической справедливости в преподавании истории заключается в сосредоточении исключительно на трагической судьбе палестинского народа, что является искуплением той несправедливости, которая связана с долговременным умалчиванием. Для второй группы сама судьба палестинцев становится основанием для проведения определенных параллелей с другими сообществами, также страдавшими, но сумевшими избавиться от угнетения (война во Вьетнаме, апартеид в Южной Африке, борьба Эрнесто Гевары за независимость стран Латинской Америки). В этом смысле историческая справедливость как принцип переосмысления прошлого демонстрирует определенную пластичность, давая возможность если не выйти за пределы дихотомии «преступник – жертва», то, по крайней мере, шире представить содержание данных понятий. Хотя, разумеется, ключевая проблема неопределенности того исторического момента, который может стать консенсусным в качестве точки отсчета для соответствия справедливости и несправедливости, и здесь остается нерешенной.

Однако само использование метафоры исторической справедливости в качестве публичного аргумента, предписывающего ответственность отдельным сообществам или даже государствам, ставит вопрос о социальных и политических процессах, которые способствовали формированию подобного инструментария политического действия.

«Моральное памятование» и формирование инструментария виктимизации

Современные исследования, посвященные исторической справедливости, как правило, рассматривают ее как результат определенных процедур

(юридических, экономических, моральных), позволяющих восстановить утраченное состояние соотношения прав и свобод отдельных категорий граждан, которое представляется справедливым, исходя из современного статуса данных категорий.

Разумеется, обращение к набору этических категорий для обоснования политических целей не является исключительно продуктом современной политической реальности, а представляет собой достаточно стандартный вариант легитимации или делегитимации политического порядка. Ключевой особенностью современного публичного дискурса выступает перенос моральных рамок на предшествующие стадии общественного развития, характеризующиеся принципиально иной нормативностью как в юридическом, так и моральном смысле. Это и создает этические предпосылки для виктимизации одних сообществ и наделения негативными характеристиками тех индивидуальных или коллективных субъектов, которые рассматриваются в качестве виновников совершенных правонарушений. Показательно, что подобный канселлинг в сфере коллективных представлений о прошлом обосновывается не только возможностью отказа от существующих норм, но и готовностью использовать «новую этику» в качестве моральной шкалы для событий, имевших место в прошлом.

Для характеристики данного явления А.И. Миллер использует со ссылкой на Л. Дэвид (David 2020) термин «моральное памятование», призванный отразить связь трансформации моральных категорий, используемых в публичном дискурсе, с процессами изменения политических акторов и формируемых ими траекторий коллективной памяти (Miller 2024: 35). Само возникновение «морального памятования» напрямую связано с последствиями «спора историков», в ходе которого, казалось бы, утвердился единственно возможный критерий оценки прошлого – права человека. «В ходе спора Хабермасу и его сторонникам удалось утвердить *Geschichtspolitik* (историческую политику) в качестве сугубо негативного понятия, что отражало представление о памятовании как о сфере, в которой главную роль должно играть гражданское общество, а политикам не следует в нее вмешиваться. (Вне контекста этого спора Хабермас в своей концепции публичной сферы подчеркивал ее связь с политикой и властными отношениями)» (Miller 2024: 38).

Понятие «права человека» стало «священной коровой» публичного исторического дискурса, поскольку в нем виделся уход от плюралистичности оценок прошлого и, соответственно, возможности ревизионистской трактовки любых диалогических конструкций, возникающих по поводу того или иного исторического события. Но вопрос заключался не только в содержании исторического дискурса, центральным событием которого стал Холокост, но и в системе акторов, участие которых в формировании и поддержании моральной повестки превращалось в определенную презумпцию, не требующую доказательств и подтверждений. Институты гражданского общества получили в свои руки возможность апеллировать к моральной необходимости сохранения тех образов прошлого, которые воспринимались как необходимые для поддержания символического порядка и в пределах одного государства, и в международных отношениях (David 2020).

Морализация отношения к прошлому стала инструментом защиты того образа будущего, который строился в послевоенной Европе на чувстве коллективного признания немецкой вины и который должен был – в рамках идеалистических представлений – стать альтернативой любым способам политизации прошлого. Проблема заключалась в том, что абсолютизация не только ключевого исторического нарратива, но и системы акторов, участвующих в перераспределении символических ресурсов, превратила апелляцию к моральным нормам в обоюдоострый инструмент, угрожающий как раз тем коллективным акторам, которые ратовали за его формирование.

В рамках системы политических координат, которая сложилась по итогам Второй мировой войны, подобная абсолютизация могла иметь место, поскольку учитывала интересы акторов, выступавших гарантами сохранения не только политического, но и символического порядка. Но по мере изменения конфигурации политического пространства и усложнения совокупности международных и внутривнутриполитических акторов, расколы морального консенсуса оказались неминуемы².

На чем же строится «моральное памятование»?

Во-первых, на обязанности сохранения памяти как императиве, заставляющем формировать коммеморации травматических событий прошлого, что выглядит вполне оправданным в абстрактном моральном смысле, но превращается в серьезную проблему на уровне выстраивания конкретных практик, призванных сохранить хрупкую грань между эмоциональной насыщенностью и избыточной сентиментальностью или оскорблением того или иного сообщества.

Во-вторых, на обязанности проработки прошлого с точки зрения современных моральных императивов, что автоматически означает их абсолютизацию, а также вынесение в качестве критериев моральной оценки за пределы хронологических и культурных границ формирования системы взаимоотношений. То, что казалось вполне понятным и допустимым Т. Адорно в ситуации послевоенной Германии, становится весьма проблематичным в условиях плюрализации общественного порядка, когда усиливается противостояние различных мемориальных нарративов.

В-третьих, на требовании справедливости для жертв, что кажется вполне закономерным в ситуации рассмотрения правового прецедента, позволяющей найти определенный баланс между действиями двух сторон с целью определения виновности одной из них. Именно установленная вина позволяет поставить вопрос о конкретной форме возмещения справедливости. Но в условиях не абстрактно-юридической, а исторической реальности обеспечить такой баланс практически невозможно, соответственно, и субъектность жертв всегда может быть поставлена под сомнение.

---

² Report on Memorization Processes in Post-Conflict and Divided Societies // UN Human Rights Office. 23.01.2014. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc2549-report-memorization-processes-post-conflict-and-divided> (дата обращения: 10.08.2024).

Нетрудно заметить, что все три указанных постулата в последние годы сталкиваются с многочисленными конфликтами в ходе их реализации на практике, что позволяет говорить о том, что стадия «морального памятования» в качестве императива мемориального дискурса остается в прошлом. Точнее говоря, современная ситуация множественности публичных исторических дискурсов, апеллирующих к моральной необходимости канселлинга, показывает, что фундаментальная основа «морального памятования» принципиально уязвима.

Кризис «морального памятования» можно зафиксировать как в ценностном, так и в институциональном аспектах. С точки зрения ценностного содержания существенным фактором современных мемориальных конфликтов становится релятивизация Холокоста, точнее, противопоставление данного события колониальному прошлому как символически значимому историческому событию для большей части современных политических акторов (по крайней мере, стран Азии, Африки и Латинской Америки). Это проявляется не только на международном уровне, но и становится фактором усиления конфликтогенности внутри многих государств на уровне символических конфликтов между коренным населением и диаспорами. На институциональном уровне кризис проявляется в дискредитации самой возможности институтов гражданского общества быть объективными судьями не только современных взаимоотношений, но и конфликтов, имевших место в прошлом (Илларионов, Мосиенко 2023: 31-33).

Что это означает для категории «историческая справедливость»? Как ни парадоксально, расширяющаяся сфера использования данного понятия в публичном дискурсе, а также увеличивающееся количество акторов, которые позволяют себе апеллировать к нему для укрепления своего политического статуса и символических претензий, ставят под сомнение само существование исторической справедливости. Точнее говоря, ее статус в качестве эффективного инструмента формирования и отстаивания символических границ собственного сообщества в ситуации принципиальной незащищенности от аналогичных претензий со стороны других сообществ. Своеобразная «девальвация жертвенности» приводит к тому, что требование исторической справедливости все больше утрачивает морально-этический флер, сводясь исключительно к формальной процедуре предъявления публичных претензий.

Заключение

Историческая справедливость представляет собой важный элемент политического дискурса, апеллирующего к переосмыслению исторического прошлого с точки зрения соотношения прав и свобод современных коллективных субъектов. Вместе с тем апелляция к исторической справедливости содержит множество внутренних противоречий, связанных с подвижностью границ между преступниками и жертвами, а также с неустойчивостью коллективной идентичности субъектов правоотношений, что ставит под сомнение возможность ее реализации на практике в строго юридическом смысле.

Актуализация данной метафоры вызвана общей рамкой «морального памятования», которая была сформирована в результате преодоления последствий Второй мировой войны, но привела к излишней абсолютизации как конкретных исторических событий (Холокост), так и системы институтов, обладающих полномочиями на определение исторической справедливости. Кризис данной системы, связанный с увеличением количества акторов и плюрализацией исторических дискурсов, проявляется в том, что историческая справедливость из способа защиты абсолютизированного прошлого превращается в инструмент символических претензий одних сообществ по отношению к другим. Зачастую эти претензии сопровождаются требованием устранения (канселлинга) определенных исторических событий из публичного пространства.

Как справедливо отмечает Л.Г. Фишман по отношению к ресентименту, существенным становится вопрос о судьях, способных оценить корректность использования определенной категории (Фишман 2024: 226), в нашем случае – исторической справедливости. И это вопрос не о конкретных субъектах, обладающих достаточным статусом для разграничения справедливого и несправедливого, а о самом существовании нормы, обеспечивающей возможность и необходимость обращения к такому идеализированному прошлому, которое может рассматриваться в качестве непререкаемого образца для оценки поведения отдельных граждан и сообществ.

Объективной сложностью для анализа исторической справедливости становится необходимость различения двух понятий – исторической справедливости как инструмента публичного дискурса, используемого для переосмысления и переинтерпретации существующего политического порядка с целью его канселлинга, и исторической справедливости как категории этики, предполагающей в качестве объекта применения существующие способы обращения к прошлому.

В первом случае следует отдавать отчет в том, что сама апелляция к исторической справедливости формирует определенную бинарность публичных дискурсов, заключающуюся не только в поиске точки отсчета, но и в противопоставлении друг другу квазиэтических категорий «справедливость» и «правда». Дискурс восстановления справедливости направлен на изменение существующего положения конкретного сообщества, легитимируя потребность нового политического актора более активно участвовать в перераспределении символических ресурсов, зачастую за счет эксплуатации образа жертвы. Дискурс защиты исторической правды свойственен обороняющейся стороне, которая пытается сохранить существующий символический порядок от посягательств со стороны новых акторов.

Во втором случае речь идет о складывании нового проблемного поля на стыке классической философии истории, методологии исторической науки и этического знания, непосредственно связанного с поиском критериев различения и оценивания публичных исторических дискурсов. В ряде работ это проблемное поле уже приобрело зафиксированное название – историческая этика³. Выход за пределы сугубо политического дискурса позволяет

---

³ Более подробно см.: (Буллер, Линченко 2023).

говорить о перспективах исследования способов актуализации и реактуализации прошлого в контексте не только социально-политических процессов, но и этических категорий, выводящих проблему отказа от прошлого на уровень фундаментального философского осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Буллер А., Линченко А.А. 2023. Зачем нужна историческая этика? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 39, № 3. С. 423-435. DOI 10.21638/spbu17.2023.302

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. 2023. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. Т. 23, №. 1. С. 30-50. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Мартьянов В.С. 2006. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. Политические исследования. № 4. С. 61-73. DOI 10.17976/jpps/2006.04.07

Нора П. 2010 Расстройство исторической идентичности // Вестник российской нации. № 1–2. С. 181-188.

Посохов С.И. 2016. Метаморфозы исторической справедливости // Люди и тексты. Исторический альманах. № 8. С. 120-135.

Рикер П. 2004. Память, история, забвение. Москва : Издательство гуманитарной литературы. 728 с.

Фишман Л.Г. 2018. Жертва и рента // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 44. С. 94-102. DOI 10.17223/1998863X/44/9

Фишман Л.Г. 2024. Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента. Москва : Издательский дом ВШЭ. 272 с.

Barham K., Akar B. 2022. History Education for Justice and Empowerment in Palestine // *Public History Weekly. The Open Peer Review Journal*. Vol. 10, iss. 5. URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/10-2022-5/empowerment-education-palestine/> (дата обращения: 10.08.2024).

David L. 2020. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge : Cambridge University Press. 226 p.

Heyd D. 2014. Parfit on the Non-identity Problem // *Law Ethics and Human Rights*. Vol. 8, iss. 1. P. 1-20. DOI 10.1515/lehr-2014-0003

Huseby R. 2023. Historical Injustice // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.203> (дата обращения: 10.08.2024).

Jaspers K. 1946. *Die Schuldfrage*. Zürich : Artemis Verlag. 95 s.

Kokkinos G. 2022. On Historical Justice and History Education // *Public History Weekly. The Open Peer Review Journal*. Vol. 10, iss. 5. URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/10-2022-5/historical-justice-education/> (дата обращения: 10.08.2024).

Miller A.I. 2024. Global Memory Culture in Doubt // *Russia in Global Affairs*. Vol. 22, iss. 3. P. 32-44. DOI 10.31278/1810-6374-2024-22-2-32-44

Parfit D. 1984. *Reasons and Persons*. Oxford : Oxford University Press. 543 p.

References

Barham K., Akar B. History Education for Justice and Empowerment in Palestine, *Public History Weekly. The Open Peer Review Journal*, 2022, vol. 10, no. 5, available at: <https://public-history-weekly.degruyter.com/10-2022-5/empowerment-education-palestine/> (accessed August 10, 2024).

Buller A., Linchenko A.A. Why Do We Need the Ethics of History? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2023, vol. 39, no. 3, pp. 423-435. (In Russ.). DOI 10.21638/spbu17.2023.302

David L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*, Cambridge, Cambridge University Press, 2020, 226 p.

Fishman L.G. *Inequality of Equals. The Concept and Phenomenon of Ressentiment*, Moscow, Izdatel'skij dom VShJe, 2024, 272 p. (In Russ.).

Fishman L.G. Victimhood and Rent, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sotsiologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2018, no. 44, pp. 94-102. (In Russ.). DOI 10.17223/1998863X/44/9

Heyd D. Parfit on the Non-Identity Problem, *Law Ethics and Human Rights*, 2014, vol. 8, no. 1, pp. 1-20. DOI 10.1515/lehr-2014-0003

Huseby R. Historical Injustice, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2023, available at: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.203> (accessed August 10, 2024).

Illarionov G.A., Mosiyenko M.K. Memory Wars and the Problem of Socio-Epistemological Relativism, *Antimonii* [Antinomies], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 30-50. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Jaspers K. *Die Schuldfrage* [The Question of Guilt], Zurich, Artemis Verlag, 1946, 95 p. (In German).

Kokkinos G. On Historical Justice and History Education, *Public History Weekly. The Open Peer Review Journal*, 2022, vol. 10, no. 5, available at: <https://public-history-weekly.degruyter.com/10-2022-5/historical-justice-education/> (accessed August 10, 2024).

Martyanov V.S. On Conditions of Emergence of Justice Theory in Russian Politics, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2006, no. 4, pp. 61-73. (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2006.04.07

Miller A.I. Global Memory Culture in Doubt, *Russia in Global Affairs*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 32-44. DOI 10.31278/1810-6374-2024-22-2-32-44

Nora P. Historical Identity Disorder, *Vestnik rossijskoj nacii* [Bulletin of Russian Nation], 2010, no. 1-2, pp. 181-188. (In Russ.).

Parfit D. *Reasons and Persons*, Oxford, Oxford University Press, 1984, 543 p.

Posokhov S.I. The Metamorphoses of Historical Justice, *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah* [People and Texts. Historical Almanac], 2016, no. 8, pp. 120-135. (In Russ.).

Ricoeur P. *Memory, History, Forgetting*, Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004, 728 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил Александрович Аникин

кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Россия; доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; ORCID: 0000-0001-6232-6557; ResearcherID: D-7070-2013; Scopus AuthorID: 56426263200; SPIN-код: 2015-5946; E-mail: dandee@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil A. Anikin

Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Faculty of Philosophy, Tomsk State University, Tomsk, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Saratov, Russia; ORCID: 0000-0001-6232-6557; ResearcherID: D-7070-2013; Scopus AuthorID: 56426263200; SPIN-code: 2015-5946; E-mail: dandee@list.ru